

Н. П. Копанева

НАУЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА КАК ЧАСТЬ ПРОЕКТОВ ПЕТРА I ПО ОПИСАНИЮ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 94(470)“17”

ББК 63.3(2)511

В статье анализируются цели научного путешествия Д. Г. Мессершмидта по Сибири в контексте общих проектов Петра I по исследованию Российского государства. Показано расхождение в понимании задач путешествия Медицинской канцелярией, выполнявшей функцию организатора поездки в рамках своей компетенции, и самим ученым, рассматривавшим путешествие как комплексное исследование по охвату прежде всего научных задач, что отвечало традициям универсального знания конца XVII — первой половины XVIII вв. Если Медицинская канцелярия ставила перед Мессершмидтом задачу изучения флоры, фауны, минералов обследуемых территорий, причем для практического применения в «аптекарском деле», то сам ученый цель путешествия видел в географическом (для исправления карт), метеорологическом, естественнонаучном исследовании, в описании населяющих Сибирь народов и их языков, в сборе разного рода «древностей» для императорского музея, рукописей для императорской библиотеки. Привлечение в качестве источников не только дневниковых записей Мессершмидта, но и служебных документов (указы, доношения, рапорты), а также переписки ученого позволяет выявить специфику научного путешествия до создания в Петербурге Академии наук.

Ключевые слова: *Д. Г. Мессершмидт, Петр I, научное путешествие, Сибирь, Кунсткамера, Медицинская канцелярия, Р. Арескин, И. Д. Блюментрост, Л. Л. Блюментрос, ученая корреспонденция*

Научные результаты, полученные Д. Г. Мессершмидтом (1685–1735) в ходе его путешествия по Сибири, изучались и высоко оценивались начиная с XVIII в.¹ Однако многое в специфике путешествия Мессершмидта остается за скобками исследований. Связано это с тем, что не все источники для изучения его деятельности введены в научный оборот. Из всего обширного наследия ученого изданы в ГДР не в полном объеме дневниковые записи с марта 1721 г. по апрель 1726 г.² и в Ижевске в (2001 г.) — дневник с 21-го по 31 декабря 1726 г.³ Некоторые выписки из подневных записей, сделанных в Сибири, в части археологических находок и этнографических наблюдений публиковались В. В. Радловым

в «Сибирских древностях»⁴ и З. Д. Титовой в журнале «Исторический архив».⁵ Отрывки из дневника, касающиеся путешествия в 1721–1722 гг. через Томск–Абакан–Красноярск, в переводе на русский язык опубликованы в 2012 г.⁶ Большие рукописные тома исследований и наблюдений Д. Г. Мессершмидта используются с XVIII в. по наше время ботаниками, зоологами, лингвистами, этнографами, археологами, оставаясь неизданными. Не в полном объеме опубликованы и аккуратно собранные ученым многочисленные «репорты», доношения, переписка. С сожалением нужно констатировать, что критического издания дневника и других документальных материалов путешествия Мессершмидта по Сибири в переводе на русский язык до сих пор нет.⁷

¹ См.: Pallas P. S. Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts sieben jähriger Reise in Sibirien // Neue Nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung. SPb.; Leipzig, 1782. Bd. 3. S. 97–104.

² Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Berlin, 1962–1977.

³ Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск, 2001.

⁴ Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1891. Т. 1. Вып. 2. (Материалы по археологии России. Вып. 5).

⁵ Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта — исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 21–40.

⁶ Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск–Абакан–Красноярск. 1721–1722. Абакан, 2012.

⁷ В 1936–1937 гг. в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР в Ленинграде (ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) были начаты работы по подготовке издания перевода на русский язык большого массива рукописных материалов Д. Г. Мессершмидта. В качестве переводчиков были привлечены Екатерина Александровна Лаппа-Старженецкая

Этой неполнотой источниковой базы объясняется, на мой взгляд, фрагментарность современного изучения научного наследия ученого из Данцига. И, что очень важно, чтобы получить полное представление о путешествии Д. Г. Мессершмидта и о его научных результатах, необходимо проведение комплексного междисциплинарного исследования.

В данной статье будут рассмотрены цели приглашения Д. Г. Мессершмидта в Россию, задачи, которые ставил Петр I перед ученым, и то, как свою миссию понимал сам Мессершмидт. Решение о приглашении доктора медицины Д. Г. Мессершмидта в Россию было принято в 1716 или 1717 г. Автор монографического исследования об ученом М. Г. Новлянская считала, что предложение последовало под впечатлением от посещения Петром I в Данциге музея И. Брейна, собрание которого включало ботанические, зоологические, минералогические коллекции (с ними в это время работал Мессершмидт⁸). Несомненно то, что выбор царя и его лейб-медика Роберта Арескина пал на Мессершмидта благодаря рекомендации естествоиспытателя и известного практикующего врача Иоганна Филиппа Брейна (1680–1764). Во время пребывания Петра I в Данциге Арескин, давний знакомый Брейна, привлекал его к диагностике заболевания царя. Однако на самом деле причинами приглашения доктора медицины, естествоиспытателя Д. Г. Мессершмидта в Россию были не впечатления от музея И. Ф. Брейна.

В эти годы царь Петр отправил нескольких своих врачей в научно-поисковые поездки. В 1717 г. от Медицинской канцелярии на изучение минеральных вод в Олонецкую губернию к Кончезеру был отправлен Л. Л. Блюментрост, будущий первый президент Петербургской Академии наук. С 1719 г. там стал бывать и лечиться Петр I. В том же 1717 г. Готлибу

Шоберу (1670?–1739), инспектору Московской Придворной аптеки и ординарному медику при Медицинской канцелярии, было поручено исследовать горячие минеральные источники у реки Терки в Самарской губернии. Недалеко от них Шобер нашел несколько холодных минеральных ключей, а на обратном пути на реке Соке открыл богатые залежи серы, для разработки которых впоследствии был построен завод.⁹ Видимо, для такого рода научно-поисковых поездок и предполагалось использовать знания и опыт Д. Г. Мессершмидта. Не случайно, в одном из писем Р. Арескину он рассказывал об опыте своих поездок летом 1716 г.: «...страна, которую мы населяем, с обширными горными хребтами, цветущими лугами, широкими полями, лесными чащами, с морскими приливами, извилистыми реками, необыкновенно изобилует как растениями, так и замечательными ископаемыми».¹⁰

Другой причиной приглашения Мессершмидта были новые приобретения Петра I для своей Кунсткамеры. 10 января 1716 г. была куплена большая коллекция натуралий у амстердамского аптекаря Альберта Себы, которая 19 августа 1716 г. была доставлена в Петербург. 8 апреля 1717 г. Петр I купил знаменитую коллекцию Ф. Рюйша.¹¹ Ценнейшие собрания чучел и влажных препаратов экзотических животных, гербарий, анатомические препараты требовали внимания опытного человека, обладающего специальными знаниями. Сам Р. Арескин находился постоянно при царе. Занимавшийся библиотекой и музейными собраниями как Петра I, так и его лейб-медика, И. Д. Шумахер, принятый в 1714 г. в Медицинскую канцелярию в качестве секретаря по иностранной переписке, такими знаниями не обладал. Д. Г. Мессершмидт же отвечал всем необходимым требованиям.

О задачах, которые ставились перед ним перед отъездом в Россию, известно из писем Мессершмидта Арескину и из документа, выданного ему лейб-медиком в конце 1717 г.

(1884/1886?–1971) и Елизавета Васильевна Лаврова-Болдырева (1871–1942). В Архиве МАЭ РАН хранятся переводы части рукописи дневника Мессершмидта, рапорты и письма, подготовленные к первому и частично ко второму томам издания. Всего предполагалось издать материалы путешествия Д. Г. Мессершмидта в 3 томах. Проект не был осуществлен. См. об этом: Копанева Н. П. К истории подготовки издания материалов Д. Г. Мессершмидта в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ в 2014 г. СПб., 2015. С. 97–103. Материалы готовятся к изданию. В данной статье при цитировании документов на немецком и латинском языках будут даны ссылки на переводы их, хранящиеся в Архиве МАЭ РАН.

⁸ См.: Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. С. 8.

⁹ Г. Шобер во время путешествия собирал сведения по ботанике, этнографии, описывал местности, которые проезжал, и языки населяющих их народов. См. его рукопись: *Memorabilia Russo-Asiatica i. e. Observationes, Physica, Medica, Botanica, Geographica, Politica, Oeconomica etc...* СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 326.

¹⁰ Архив МАЭ. К-III. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

¹¹ Об истории покупки этих собраний Петром I и их доставке в Петербург см.: Дриссен-ван хет Reve. Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752). СПб., 2015.

Мессершмидт писал Р. Арескину в октябре 1717 г.: «...славнейший муж! Ты выразил свою волю <...> чтобы я все свое старание и добросовестность сосредоточил, главным образом, на исследовании естественных богатств, а затем уже на пополнении и сохранении музейных коллекций Е[го] Ц[арского] В[еличества]».¹² В другом письме о музейных коллекциях Мессершмидт пишет конкретнее: «согласно условиям <...> ты решил предоставить мне права и законные преимущества заведующего музеями», «библиотека ведь, как я слышал стороной, теперь перейдет в ведение какого-то другого человека».¹³ Этим «другим человеком» был И. Д. Шумахер. В «подорожной», выданной Арескиным Мессершмидту, указывалось: «... после того как мы узнали об эрудиции и опытности, какими обладает благороднейший и ученейший доктор Мессершмидт, указом Е[го] Ц[арского] В[еличества] было предписано пригласить на его службу доктора Мессершмидта для всех работ, какие только соответствуют его профессии, в первую же очередь для исследования скрытых богатств и сил природы великого Российского государства».¹⁴ В той же «подорожной» начиная с 1 января 1718 г. устанавливалось жалованье Мессершмидту в 500 руб. в год из средств Медицинской канцелярии.¹⁵

Предполагалось ли уже в это время, что Мессершмидт предпримет длительное путешествие по Сибири? Внимательное прочтение его писем Р. Арескину с постоянной отсылкой к их разговорам не дает нам повода сделать такое заключение. В одном из писем он повторяет слова Арескина о предполагаемом порядке работы: музейными коллекциями Мессершмидт займется в зимнее время, а летом должен будет предпринимать разнообразные экспедиции, в том числе и по изучению полезных ископаемых. Несмотря на то что Мессершмидт писал и о том, что на время поездок ему нужна теплая одежда для холодной погоды, охрана для обеспечения безопасности, вряд ли Арескин предполагал, что только летние поездки, о которых он говорил, позволят Мессершмидту заниматься изучением «скрытых богатств и сил природы» Сибири.

Все изменилось с приездом Д. Г. Мессершмидта в Россию. О музее речи уже не шло, во всяком случае, не выявлено пока ни одного документа, который бы указывал на то, что Мессершмидт был допущен к коллекциям. Слишком престижна была эта работа, представлявшая прямой доступ к царю и его лейб-медику, чтобы Иоганн Даниил Шумахер, уже столько сил вложивший в любимое детище Петра, отдал бы ее кому бы то ни было. Сложившиеся добрые отношения с Р. Арескиным, а после его смерти с Л. Л. Блюментростом позволили И. Д. Шумахеру остаться при библиотеке и Кунсткамере вторым человеком после лейб-медиков царя, а при их занятости — фактически их главой.

Чем занимался Мессершмидт до своего отъезда в сибирское путешествие, точно неизвестно. Фактически он оказался не у дел. Есть его краткая запись о том, что в июле вместе с флотом он был на мысе Гангут.¹⁶ Приписанный к Медицинской канцелярии, видимо, на флоте он был в качестве врача. Это подтверждается и тем, что в одном из писем Мессершмидт со знанием дела перечислял последствия ранений (ранения в живот и искусство излечения кишок, прижигание швов черепа и т. п.).¹⁷

После смерти Р. Арескина библиотека и Кунсткамера были переданы в ведение ставшего лейб-медиком царя Л. Л. Блюментроста. Уже 27 декабря 1718 г. тот в доношении Петру I выступает как человек, которому они вверены, и сообщает об их служителях и о необходимых припасах для их нужд.¹⁸ Президентом Медицинской канцелярии был назначен его брат Иоганн Деодат Блюментрост, в распоряжение которого и поступил Мессершмидт.

15 ноября 1718 г., еще при жизни Р. Арескина, указом Петра I Д. Г. Мессершмидт получил задание отправиться в Сибирь. Текст этого указа известен только по копии, сохранившейся в бумагах Мессершмидта, и по постоянным отсылкам к нему как самого ученого, так и тех, кто эту поездку организовывал. Поскольку Мессершмидт считал, что многие его беды в начале путешествия связаны были с нечеткостью формулировок указа, приведем его полностью, так как его текст известен лишь в пересказах исследователей: «Великий Государь Царь и великий князь Петр Алексеевич <...> указал по имянному своему великого Государя указу доктора

¹² Архив МАЭ. К-III. Оп. 1. Д. 4. Л. 8, 8 об.

¹³ Там же. Л. 8 об.

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Копанева Н. П. Даниил Готтлиб Мессершмидт: начало пути // Наука из первых рук. 2014. № 5 (59). С. 62–73.

¹⁶ См.: Новлянская М. Г. Указ соч. С. 9.

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 5.

¹⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–6 об.

Мессер Шмита послать в Сибирь для изыска- ния всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, кореня и семян и прочих при- надлежащих статей в лекарственные соста- вы, и збирья присылать в Санкт Питер бурх в главнейшую аптеку; и для той посылки на сей 1718 год в оклад его пять сот рублей, другую половину двести пятьдесят рублей; а буде не дано, выдать ему из санкт питер бурхской Ап- текарской канцелярии, записав в расход с рос- пискою; а впредь оной оклад пять сот рублей давать ему от Сибирской губернии покаместь он тамо будет обретатца; зачтая вычетные за медикамент денги, которые положены при- сылать с той губернии в аптекарскую канцеля- рию, и о том сибирской губернии к губернато- ру князю Матвею Петровичу Гагарину послать письмо; сей великого Государя имянной указ по Аптекарской канцелярии записать в книгу, ноября 15 дня 1718».¹⁹

18 ноября 1718 г., когда Мессершмидт был еще в Петербурге, указ был отправлен М. П. Га- гарину за скрепою Р. Арескина. Известно, что в январе 1719 г. М. П. Гагарин был снят с должно- сти губернатора. Административными вопро- сами поездки Мессершмидта стал заниматься новый сибирский губернатор А. М. Черкасский, который 30 сентября 1719 г. из Петербурга от- правил указ обер-коменданту Тобольска Семену Прокопьевичу Карпову. Мессершмидт прибыл в Тобольск 24 декабря, а 26 декабря С. П. Кар- пов получил указ А. М. Черкасского, в котором, помимо отсылки к царскому указу, сообщалось, что доктор Мессершмидт «послан в сибир- ские города для искания всяких куриоситетов и лекарственных вещей; и как же оной будет в сибирских городах, и будет требовать подвод, людей и протчего что нужно дабы ему в том (выделено мной. — Н. К.) остановки и задержа- ния не было; и что б послать указ, дабы в выше писанном, как будет в городех, всякое б вспомо- жение ему чинили (выделено мной. — Н. К.); по- неже ныне Его Величество о нем поминал, дабы он дело свое отправлял незамедля».²⁰ В начале января Мессершмидту было выдано обещанное ему годовое жалованье — 500 рублей. Итак, мы видим, что в указах речь шла не только о том, чтобы давать путешественнику лишь подводы, на что сетовал в рапортах и письмах Мессер- шмидт, но и «людей и протчего что нужно». Вполне возможно, что, как пишет М. Г. Новлян-

ская, ученый столкнулся в Тобольске «со всеми неприглядными сторонами провинциальной администрации того времени: с произволом, взяточничеством и волокитой».²¹ Но это труд- но связать с указами, которые достаточно четко формулировали цель поездки Мессершмидта и требовали от местных властей оказывать ему необходимую помощь.²² Позднее был еще до- кумент 16 января 1724 г., посланный удинскому и селенгинскому комиссару Ф. А. Бейтону, в ко- тором указания о помощи Мессершмидту даны конкретнее: «...по Его Императорского Величе- ства указу, где он, дохтор Мессершмит, Сибир- ской губернии в городех будет обретатца и для обережи город от города, давать ему служилых людей, сколко пристойно, и в городех давать ему квартиры свободные, и ежели где обретают- ца коренья и манеральные вещи, объявлять ему, дохтору. Вина крепкого ко употреблению для збережения каких вещей давать ему с ценою и с роспискою <...> Также ежели он в котором го- роде остановитца и проведает приличные места к делу своему, и пожелает сам ехать для огляда- ния или своих служителей пошлет, давать ему тех мест ведомцев и вожей и во всем чинить по Его Императорского Величества указу непре- менно <...> и велел о том же указами объявить в народ публично».²³

Своя программа исследований и сбора раз- личных материалов сложилась у ученого толь- ко в Тобольске. Еще находясь в Москве, куда он прибыл 21 марта 1719 г., он был готов изменить маршрут своего путешествия. Со свойственны- ми для него упорством и настойчивостью Мес- сершмидт стал добиваться разрешения отпра- виться с посольством Л. В. Измайлова в Китай. В свите посланника был Лоренц Ланг, с кото- рым Мессершмидт познакомился в Петербур- ге и к которому хотел присоединиться. Для по- лучения дозволения царя Мессершмидт писал И. Д. Блюментросту, И. Д. Шумахеру, а также

²¹ Новлянская М. Г. Указ соч. С. 14.

²² Указ о поездке Д. Г. Мессершмидта можно сравнить с ука- зом, данным в то же время, 12 января 1719 г., И. Евреинову и Ф. Лужину: «Ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провозатых, ехать до Камчатки, и далее куды вам указано, и описать тамошня места: сошлася ль Америка с Азиєю, что надлежит zelo тщательно сделать, не только Зюйд и Норд, но и Ост и Вест, и все на карте исправно поставить; а об от- правлении вашем от Тобольска и о даче подвод и провоза- тых и прочаго, в чем вам будет нужда, Сибирской губернии к ландратам и прочим управителям указ послан». (Полное собрание законов. СПб., 1830. Т. 5. № 3266. 2 января 1719 г. С. 607). Структура документа та же: цель, маршрут и требо- вание давать подводы, людей и пр., «в чем будет нужда».

²³ Архив МАЭ РАН. К-III. Оп. 1. Д. 6. Л. 14 об. — 16.

¹⁹ Там же. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

²⁰ Архив МАЭ РАН. К-III. Оп. 1. Д. 9.

Л. Л. Блюментросту,²⁴ который в качестве лейб-медика постоянно находился при Петре I. Стремление Д. Г. Мессершмидта воспользоваться вдруг появившейся возможностью отправиться в Китай понятно. Европейские мыслители, ученые, торговцы проявляли огромный интерес к Китаю, а основными источниками сведений об этой стране были не всегда достоверные описания путешествий и переписка с христианскими миссионерами в Китае. Для Д. Г. Мессершмидта поездка в Поднебесную, несомненно, стала бы взлетом ученой карьеры в Европе, поэтому он приложил все свои силы, попытался использовать все имеющиеся у него возможности, чтобы получить разрешение царя отправиться в Китай.

Об окончательном решении Петра I Мессершмидт узнал в Тобольске. 24 декабря 1719 г. он получил письмо от И. Д. Блюментроста, который 24 сентября 1719 г. писал: «Я вновь докладывал Е[го] И[мператорскому] В[еличеству] по вопросу о Вашем путешествии в Китай и получил опять отрицательный ответ, так как он признает гораздо более существенным изучать природу своего собственного государства, чем производить исследования в чужой стране. Так что Вам, высокочтимый доктор, надлежит придерживаться первоначального повеления. Все, что Вы нашли достойного внимания из царства животного, растительного или минерального во время Вашего путешествия до Казани, а оттуда — в Сибирь, — следует тщательно записать и при случае переслать сюда. В особенности все то, что касается корней и лечебных трав, для того, чтобы доказать Е[го] И[мператорскому] В[еличеству], что Ваше путешествие и производящиеся на него расходы не были напрасны».²⁵

Как видим, в письме уточнены цели, с которыми Д. Г. Мессершмидт был направлен в Сибирь. В связи с тем что определением задания занималась Медицинская канцелярия, большего вряд ли можно было ожидать: выполнения комплексных задач по обследованию Сибири, которые впоследствии поставил перед собой Мессершмидт, от него не ждали, тем более вопреки указу царя.²⁶ Петр I понимал, что для это-

го не было еще той научной структуры, которая бы инициировала и разрабатывала инструкции для экспедиции, заручалась бы решением высшего правительственного органа — Сена-та, которое должно было быть обязательным для выполнения администрациями на местах. Такой научной организацией стала Академия наук в Петербурге, которая уже с 1732 г. начала готовить к участию во Второй Камчатской экспедиции группу своих ученых и художников — «академический отряд». Масштабные задачи исследования российских территорий, и прежде всего Сибири, как и вопросы собирания древностей, были уже поставлены Петром I, но не связывались с поездкой Д. Г. Мессершмидта. Стоит вспомнить хотя бы два факта 1717–1718 гг. Так, в 1717 г., во время пребывания в Париже, Петр I неоднократно беседовал с королевским географом Г. Делилем (1675–1726) о «расположении и протяженности» царской империи.²⁷ Встреча эта была не случайна: к тому времени Г. Делиль был признанным авторитетом в области картографии. К 1717 г. им уже были изданы карты «Московии»,²⁸ «Тартарии».²⁹ Петр I сам неплохо разбирался в составлении карт: он показывал Г. Делилю рукописную карту верховьев Иртыша, составленную геодезистом Петром Чичаговым,³⁰ и рукописную карту Каспийского моря, составленную экспедицией Бековича-Черкасского.³¹

Что касается собирания «древностей», то следует вспомнить известный указ Петра I от 13 февраля 1718 г., где был пункт о том, что, «ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно камни необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какие старые подписи на камнях, железе или меди или какое старое и тоже необыкновенное ружье, посуду

древности и прочих достопримечательных явлений». (Новлянская М. Г. Указ соч. С. 14).

²⁷ См.: Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб., 2015. С. 68, 75, 106, 193, 194.

²⁸ *Tabula Moscoviae nunc accuratius concinnata et edita a Petro Schenk ad... principem Fredericum Augustum Poloniae Regem, Saxoniae electorem; par G. de l'Isle ... A Amsterdam: chez Pierre Schenk, [ca. 1710].*

²⁹ *Carte de Tartarie / dressée sur les relations de plusieurs voyageurs de différentes nations et sur quelques observations qui ont été faites dans ce pays la par Guillaume Del'Isle de l'Academie Royale des Sciences; N. Guerdard ... fecit; des Rosiers fet. A Paris, 1706.*

³⁰ См.: Андреев А. И. Экспедиции на Восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века) // *Тр. Ист.-арх. ин-та. М., 1946. С. 189.*

³¹ См.: Княжецкая Е. А. Судьба одной карты (о географе А. Бековиче-Черкасском). М., 1964.

²⁴ О переписке см.: Копанева Н. П. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 62–73.

²⁵ Архив МАЭ РАН. Ф. К-III. Оп. 1. Д. 9. Л. 230.

²⁶ Права М. Г. Новлянская, опровергавшая утверждения ряда ученых о том, что для Мессершмидта была подготовлена инструкция, «закключавшая в себе обширную программу научно-исследовательских работ по географии, естественной истории во всем объеме, медицине, описанию сибирских народов и исследованию их языков, изучению памятников

и прочее все, что зело старо и необыкновенно, такие бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря на вещи; понеже, не видав, положить нельзя цены».³² Но 11 июня того же года был обнародован сенатский указ о размерах вознаграждений: «За человеческие кости за все (ежели чрезвычайного величества) тысячу рублеф, а за голову пят сот рублеф. За денги и протчие вещи, кои спотписью, вдвое чего оне стоят. За камни спотписью по разсуждению. Один гроб скостми привести не трогаю. Где найдутца такие, всему делать чертежи, как что найдут».³³ Поэтому вряд ли нужно удивляться тому, что Д. Г. Мессершмидт с большим трудом мог получить от местных властей и населения находки «из могил». Он неоднократно жаловался на это И. Д. Блюментросту: «Я делал попытку <...> действовать через здешний Приказ, передав туда особый мемориал, в котором просил доставлять мне шайтанов, предметы из могильников, древние татарские рукописи и т. п.; при этом я просил, чтобы мне их не только показывали, но давали бы возможность срисовывать их. На это, как и в других случаях, мне был дан ответ, что, согласно текста последнего указа, мне ничего, кроме самого необходимого, а именно — кроме подвод, не полагается, без особого на то определенного распоряжения».³⁴

Если рассматривать поставленные перед Мессершмидтом задачи в общем контексте проектов Петра I, то данное ему поручение изучать в ходе путешествия российскую флору и фауну не вызывает вопросов: это была программа, которой в масштабах Сибири еще никто не занимался. К тому же Кунсткамера Петра представляла богатый мир животных и растений заморских стран, но в ней в то время почти не были представлены образцы видов зверей, птиц, рыб, растений, минералов России. Это направление деятельности Мессершмидта было высоко оценено в Парижской Академии наук. Л. Л. Блюментрост, в письме, отправленном с И. Д. Шумахером французским академиком, писал: «Я должен вам сообщить, что Его Величество два года назад послал в Сибирь одного из своих врачей, прекрасно осведомленного в естественной истории, чтобы произвести там нужные наблюдения, образчик которых я имею честь вам представить...» Шумахер, 5 августа

1721 г. выступавший на заседании Парижской Академии наук, представил «...специмен Орнитологии, или краткое описание в Сибири от доктора Мессершмидта усмотренных птиц», который «яко пробу читали, которому учреждению и методу Академия удивилась, и токмо желают, чтобы прочия части истории натуральной всех российских провинций такожде обстоятельно описать».³⁵

25 июня 1720 г. Д. Г. Мессершмидт отправил И. Д. Блюментросту свою программу, превосходившую все те задачи, которые поставил перед ним Петр I. В четвертом рапорте ученый писал: «Я считаю особенно необходимым и подлежащим подробному обсуждению вопрос о составлении точного плана или карты страны; на ней должны быть отмечены четко и наглядно широта главнейших пунктов, магнитного склонения, местонахождения естественных богатств и всего того, что может встретиться необычного. Дальше в отношении естественнонаучных наблюдений необходимо отмечать могущие быть полезными различные предметы из числа растений, животных, монстров и т. п.; но так как не всегда возможно с достаточной точностью охарактеризовать их одними словами, а за недостатком необходимых материалов нельзя сохранить их в естественном виде в пустынных или отдаленных местностях, то, по моему скромному разумению, было бы не бесполезно производить искусные зарисовки, для того чтобы сохранить их на будущее время; что же касается других постоянно встречающихся рядовых предметов, то их можно вносить в краткий перечень...

В отношении естественных наук и физических исследований <...> можете ожидать в дальнейшем записей, касающихся погоды и климата тех мест, где я буду последовательно находиться, а равно и того, что касается эпидемических заболеваний и т. п. в том или другом месте. Ввиду того, что последние наблюдения могут быть установлены только после производства опытов, я прошу о содействии <...> к получению нескольких стеклянных приборов по новому парижскому образцу...

Что же касается научной истории, то, согласно указа, на моей обязанности лежит собирание всего того, что может послужить к пополнению и украшению библиотеки и музея Е[го]

³² Полное собрание законов. 1830. Т. 5. № 3159. С. 541, 542. См. также: Летопись Кунсткамеры. 1714–1836. СПб., 2014. С. 29.

³³ Летопись Кунсткамеры. 1714–1836. С. 30.

³⁴ Тобольск, 25 июня 1720 г. Архив МАЭ РАН. К-III. Оп. 1. Д. 9.

³⁵ Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном путешествии в 1721–1722 годах // Печкарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. С. 535, 536.

И[мператорского] В[еличества], так что от моей всеподданнейшей службы можно впредь требовать собирания всего, что представляет научный интерес. У здешних бухарских татар имеются различные прекрасные рукописи, частью на персидском и татарском языках, а частью и на арабском языке. Одна из них описывает правление великого татарского хана Тамерлана, Чингис-хана и др. или также повествуют о коренных жителях, переселениях и изменениях народов Сибири. <...>

Сюда относятся также филология, древности, памятники и нумизматика <...> составленная мною таблица числительных двадцати народов, из которой обнаруживается отличие в их языках и диалектах (откуда так много вскрывается для понимания их истории).

Что же касается, наконец <...> описания, где говорится о древностях из могильников, о шайтанах, каменных статуях, нумизматике и т. п., то <...> увидите сами, насколько подобная коллекция может сильно обогатить со временем собрания музея, когда она будет еще пополнена». ³⁶

Представленная Д. Г. Мессершмидтом программа по обширности поставленных задач отвечала традициям универсального знания конца XVII — первой половины XVIII вв. Примером тому служит труд Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария», большая часть которого посвящена Сибири. Второе издание книги Витсена 1705 г. ³⁷ было дополнено материалами по географии, флоре и фауне, по этнографии разных народов и словниками их языков; описанием древностей «из могил». В значительной части это были письменные источники, полученные голландцем из России с разрешения Петра I. ³⁸ Хотя издание 1705 г. не поступило в продажу, европейские ученые знали о нем и многие получили экземпляры от самого автора. Можно предположить, что Д. Г. Мессершмидт был знаком с книгой Витсена; во всяком случае, ее знал И. Ф. Брейн, с которым Витсен состоял в переписке. А карту Витсена ³⁹ Мессершмидт не только

знал, но и взял с собой, сверяясь по ней во время пути и исправляя ее, если, по его мнению, это было нужно. ⁴⁰

Для выполнения столь грандиозной программы Д. Г. Мессершмидту нужны были не только поддержка местных властей в получении подвоза, охраны, проводников, толмачей; установление контактов с населением; решение проблем с пересылкой писем, собранных коллекций; своевременное получение жалованья, обеспечение продовольствием, чего ученый добивался с большим трудом, особенно в начале своего путешествия. Ему нужны были профессиональные помощники (если не с университетскими дипломами, то хотя бы студенты), рисовальщики и художники. Но поскольку Петр I комплексных исследовательских задач перед Мессершмидтом не ставил, такое научное обеспечение путешествия и не предполагалось.

Осложняли положение Д. Г. Мессершмидта напряженные отношения с И. Д. Блюментростом. Задержки писем и рапортов, а порой и потеря их по пути из Тобольска в Петербург и из Петербурга к Мессершмидту, приводили к тому, что И. Д. Блюментрост оставался в неведении о том, где находился ученый, жив ли он, а путешественник не получал вовремя необходимых распоряжений. Так произошло с требованием о возвращении Мессершмидта в Петербург. Ученый сообщал: «Его Императорского Величества Селенгинского дистрикта в земскую контору земскому комиссару господину Бейтону промемория. Сего 1725 году марта 10 дня по возвращении моем из Нерчинска <...> получен Его Императорского Величества указ, писанной из Санкт-Петербурга августа 31 дня из Медицинской канцелярии чрез иркуцкого курьера Прокопья Петлина <...> и велено мне по посланной в Сибирскую губернию из Медицинской канцелярии промемории, писанной декабря 3 дня 1723 году, быть в Москву и в Санкт-Петербург. А сию промеморию или со оной промемории из губернской канцелярии указу до сего числа ко мне не прислано». ⁴¹ Невыполнение требований И. Д. Блюментроста, жалобы на порядки и местную власть, задержки в пути не способствовали восстановлению отношений между Мессершмидтом и президентом Медицинской канцелярии. Как известно, отношения обострились при возвра-

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 102–108.

³⁷ Witsen N. Noord en Oost Tartarye. Tweede druk. Amsterdam, 1705. В пер. на рус. яз.: Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам, 2010. Т. 1–3.

³⁸ Копанева Н. П. Федор Алексеевич Головин и Николаас Витсен (По материалам книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария») // Петровское время в лицах—2009. СПб., 2009. С. 178–185. (Труды Государственного Эрмитажа; 47).

³⁹ Witsen N. Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Oofter deel van Asia en Europa. Strekkende van Nova Zemla tot China. Aldus Getekent, Beschreven, in Kaart gebracht en uytgegeven. Sedert cen Nauwkeurig ondersoek van meer asl twintig Jaaren door Nicolaes Witsen. Anno, 1687.

⁴⁰ Messerschmidt D. G. Op. cit. Bd. 2. S. 153; Bd. 4. S. 147.

⁴¹ Архив МАЭ РАН. К-III. Оп. 1. Д. 6. Л. 85–85 об.

пении ученого в Петербург. Собранные коллекции были опечатаны по приказу И. Д. Блюментроста. Поводом послужил тот факт, что привезенные вещи Мессершмидт сложил у себя дома, а не сдал в Медицинскую канцелярию.⁴² Доставленные ученым в Петербург коллекции, среди которых были и его собственные, было предписано обследовать специально созданной комиссией Академии наук, секретарем которой был молодой Г. Ф. Миллер.⁴³ Высоко оценив значение собранных материалов, комиссия постановила передать их в Академию наук. Что касается вещей, приобретенных Мессершмидтом для себя, то ему были возвращены только те из них, которые, по мнению комиссии, «оказались лишними» для академических собраний.

Д. Г. Мессершмидт вернулся в Петербург, где уже развернула свою деятельность Академия

наук. Несмотря на всю ценность не только привезенных коллекций, но и проведенных исследований, ему не было предложено место в Академии. Не было связи с академическими учеными у Мессершмидта и когда он в 1731 г. вернулся в Петербург, выехать из которого так рвался в 1729 г. Не был привлечен ученый, в одиночку совершивший семилетнее научное путешествие, и к подготовке Второй Камчатской экспедиции, в которую от Академии наук ехали молодые, не имеющие опыта И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер. Востребованное научное наследие Мессершмидта оказалось как бы отстранено от его личности. Возможно, причиной были особенности характера Мессершмидта и межличностные отношения. Но отсутствие документально подтвержденных данных о жизни ученого в Петербурге⁴⁴ до дня его смерти 25 марта 1735 г. требует от нас дополнительных архивных разысканий.

Natalia P. Kopaneva

Candidate of Philological Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia, St. Petersburg)

E-mail: kopaneva@kunstkamera.ru

D. G. MESSERSCHMIDT'S RESEARCH JOURNEY AS PART OF PETER I DESCRIPTION OF THE RUSSIAN STATE PROJECTS

The author studied various goals underlying a research journey made by D. G. Messerschmidt across Siberia within the context of major Peter I research of the Russian state projects. The author pointed out the differences in understanding the goals of this trip on the part of the Medical Office, which was within its competence an administrator of the expedition, and the researcher himself who saw this journey as a comprehensive research project, which was in line with the universal knowledge traditions of the end of the 17th — first half of the 18th centuries. While the Medical Office gave Messerschmidt the task to study flora, fauna, minerals of the explored territories for the purposes of their future practical application in “apothecaries’ business”, the researcher himself saw the goal of his journey in geographic (for the amendment of maps), meteorological, natural science studies, the description of the people of Siberia and their languages, in the collection of all kinds of “antiquities” for the Royal Museum, as well as manuscripts for the Royal Library. A comprehensive study of Messerschmidt’s travel notes together with the official documents (orders, decrees, reports), as well as his correspondence provided better understanding of specifics of research expeditions’ administration before the establishing of the Petersburg Academy of Sciences.

Keywords: *D. G. Messerschmidt, Peter I, scientific travel, Siberia, Kunstkamera, Medical office, R. Areskin, I. D. Blyumentrost, L. L. Blyumentros, scientific correspondence*

REFERENCES

Drissen-van hett Reve Y. *Gollandskie korni Kunstkamery Petra Velikogo: istoriya v pismakh (1711–1752)* [Dutch roots of Cabinet of curiosities of Peter the Great: history in letters (1711–1752)]. St. Petersburg.: MAE RAS Publ., 2015. 364 p. (in Russ.).

Kopaneva N. P. *Daniil Gotlib Messershmidt: nachalo puti* [Daniil Gottlieb Messershmidt: beginning of a way]. *Nauka iz pervykh ruk*, 2014, no. 5 (59), pp. 62–73. (in Russ.).

⁴² См.: Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 288–290.

⁴³ Там же. 1890. Т. 6. С. 151, 152.

⁴⁴ Есть только упоминание о последних годах Д. Г. Мессершмидта Г. Ф. Миллера в его сочинении по истории Академии наук, которое он писал будучи уже в Москве. См.: Материалы для истории. Т. 6. С. 153.

Kopaneva N. P. *Fedor Alekseevich Golovin i Nikolaas Vitsen (Po materialam knigi N. Vitsena «Severnaya i Vostochnaya Tartariya»)* [Fedor Alekseevich Golovin and Nikolaas Vitsen (On materials of the book of N. Vitsen “Northern and East Tartariya”)]. Petrovskoe vremya v litsakh–2009. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha XLVII) [Petrovsky time in persons–2009. (Works of the State Hermitage 47)]. St. Petersburg, 2009, pp. 178–185. (in Russ.).

Kopaneva N. P. *K istorii podgotovki izdaniya materialov D.G. Messershmida v Institute antropologii, arkheologii i etnografii AN SSSR* [To history of preparation of the edition of materials of D. G. Messershmida at Institute of anthropology, archeology and ethnography of Academy of Sciences of the USSR]. Radlovskiy sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE v 2014 g. [Radlovsky collection. Scientific researches and museum projects of MAHE in 2014]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2015, pp. 97–103. (in Russ.).

Napolskikh V. V. *Udmurtskie materialy D. G. Messershmida. Dnevnikovye zapisi, dekabr 1726* [Udmurt materials of D. G. Messershmida. Diary entries, December, 1726]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2001. 220 p. (in Russ.).

Novlyanskaya M. G. *Daniil Gotlib Messershmida i ego raboty po issledovaniyu Sibiri* [Daniil Gottlieb Messershmida and his works on research of Siberia]. Leningrad: Nauka Publ., 1970. 184 p. (in Russ.).